

ГНЕЗДОВО

Результаты
комплексных
исследований
памятника

Авдусица

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Гнездово
Результаты комплексных
исследований памятника

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В.В. Мурашева

Рецензент – кандидат исторических наук Н.Г. Недошивина

Редакционная коллегия: С.А. Авдусина, В.В. Мурашева, С.А. Рузанова, А.А. Фетисов
Введение – кандидат исторических наук Т.А. Пушкина

Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника.

Издание представляет собой сборник статей, посвященных итогам исследований последних лет Гнездовского археологического комплекса. Гнездовский археологический комплекс расположен недалеко от Смоленска и является одним из крупнейших памятников эпохи образования Древнерусского государства, что обуславливает важность проблем, которые решаются на материалах памятника. Сборник вводит в научный оборот новые материалы, полученные в результате раскопок на территории пойменной части поселения, стационарное исследование которой было начато в 1999 г. Особое внимание уделяется вопросам реконструкции палеоэкономики, основанной на анализе зерновых и остеологических материалов, а также исследованию палеоландшафта и палеоклиматических условий эпохи существования Гнездова.

В.В. Мурашева, С.А. Авдусина

Исследование притеррасного участка пойменной части гнездовского поселения

Исследование пойменной части гнездовского селища началось после открытия на этой территории в результате шурфовки 1996 – 1997 гг. культурного слоя, перекрытого мощными речными отложениями. Первый раскоп был заложен на участке, непосредственно прилегающем к надпойменной террасе. Исследованная площадь составила 100 кв. м, раскопки осуществлялись в течение трех полевых сезонов (1999 – 2001 гг.).¹ В 1999 и 2001 гг. исследования проводились у подножия террасы. Задачей работ 2000 г. было исследование пограничного участка поселения между поймой и надпойменной террасой и выяснение стратиграфического соотношения между «верхним» слоем надпойменной террасы и «нижним» слоем поймы, для этого раскоп был заложен на склоне террасы. Итоги первого полевого сезона были опубликованы (*Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001. С. 12 – 26*), задачей данной статьи является введение в научный оборот всех материалов, полученных в результате исследований, за исключением бус, которым посвящена отдельная работа (см. статью Я.В. Френкеля в настоящем сборнике).

Общая концепция стратиграфии, отражающая различные этапы освоения данного участка, была выработана еще в течение первого полевого сезона и осталась практически неизменной. Результаты исследований почвоведов и геоморфологов (*Зазовская, Бронникова, 2001. С. 197 – 201*) показали, что

в гнездовское время современная территория поймы функционировала в режиме первой надпойменной террасы, соответственно, надпойменная терраса являлась второй надпойменной террасой. Ложбина между первой и второй террасой (рис. 1) на месте древнего русла Днепра в предгнездовское время представляла собой либо неглубокую старицу, либо, просто являлась заболоченной низинкой.

В период существования поселения ложбина была постепенно целенаправленно засыпана песком. Таким образом, самыми нижними напластованиями на исследованном участке являются слои «песчаной засыпки» (горизонт 5). Выше слоя засыпки постепенно сформировался слой, насыщенный обрубками дерева и щепой, составленный, в основном, перегнившим строительным мусором (горизонт 4). Именно горизонт строительного мусора и послужил дневной поверхностью для возведения в этом, казалось бы совершенно не пригодном для строительства, месте, первых сооружений (горизонт 3). Выше лежит еще один строительный горизонт, который погиб в пожаре и который является финальным на данном участке (горизонт 2), самый верхний слой которого, являющийся продуктом разрушения нижележащих слоев выделен в отдельный горизонт (горизонт 1) (см. рис. 2а).

Мощность горизонта 5 в восточной части исследованной территории достигает 85 см.

¹ В раскопках принимали участие, кроме авторов статьи, Н.В. Ениосова, Н.Н. Малышева, М.О. Жуковский.

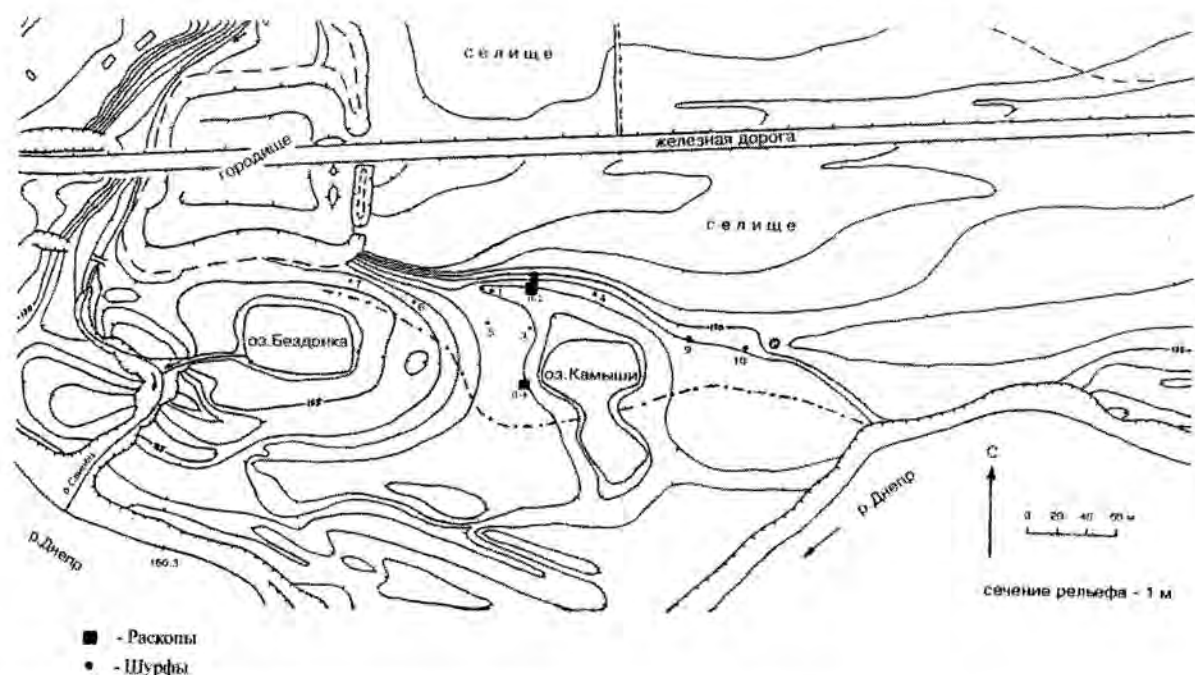

Рис. 1. Пойменная часть Гнездовского археологического комплекса.

К юго-западу песчаный горизонт постепенно выклинивается, обнажая берег ложбины. Очевидно, что основную роль в создании песчаной засыпки сыграла целенаправленная деятельность жителей поселения, однако, мы не можем исключить и участие природного фактора. Возможно, определенную роль сыграли происходившие время от времени весенние затопления данной территории, следы которых читаются и на других участках современной поймы (см. статью В.В. Мурашевой, Н.В. Ениосовой, А.А. Фетисова в настоящем сборнике). В самом низу горизонта лежит мощный придонный слой мокрого, коричневатого-серого песка с включениями органических остатков, выше засыпка носит слоистый характер: прослойки желтого песка чередуются с прослойками гумусированного и оторфованного песка.

Переувлажненность этой части культурного слоя обусловила хорошую сохранность дерева. На глубине - 520 - 540 см (примерно 105 - 125 м от уровня современной дневной поверхности) исследованы две пары мостков. Одни мостки (размер около 240 умнож. 120 см) располагались в центре исследованного участка и лежали в направлении с севера на юг, с небольшим отклонением на запад. Они были сооружены из плотно уложенных на поперечных лагах кольев, длиной до 140 см. Концы некоторых кольев обожже-

ны, вполне вероятно, что это их вторичное использование. Вторые мостки находились в восточной части участка и имели совершенно иную конструкцию. Они представляли собой настил из досок, также уложенных на небольшие лаги, и имели иную конструкцию. Размер дощатого настила - 280 умнож. 70 см, доски лежали в направлении с востока на запад с отклонением на юг. Обе пары мостков были построены перпендикулярно южному берегу ложбины, которая резко заворачивает к югу в восточной части раскопа (рис. 2).

В толще горизонта 5 найден 31 деревянный предмет из разных пород дерева, результаты определения¹ представлены в таблице 1:

Породы дерева	Количество
Сосна	16
Ель	6
Дуб	2
Ясень	4
Яблоня	1
Ива	1
Клен	1

¹ определение А.Н. Соловьевой.

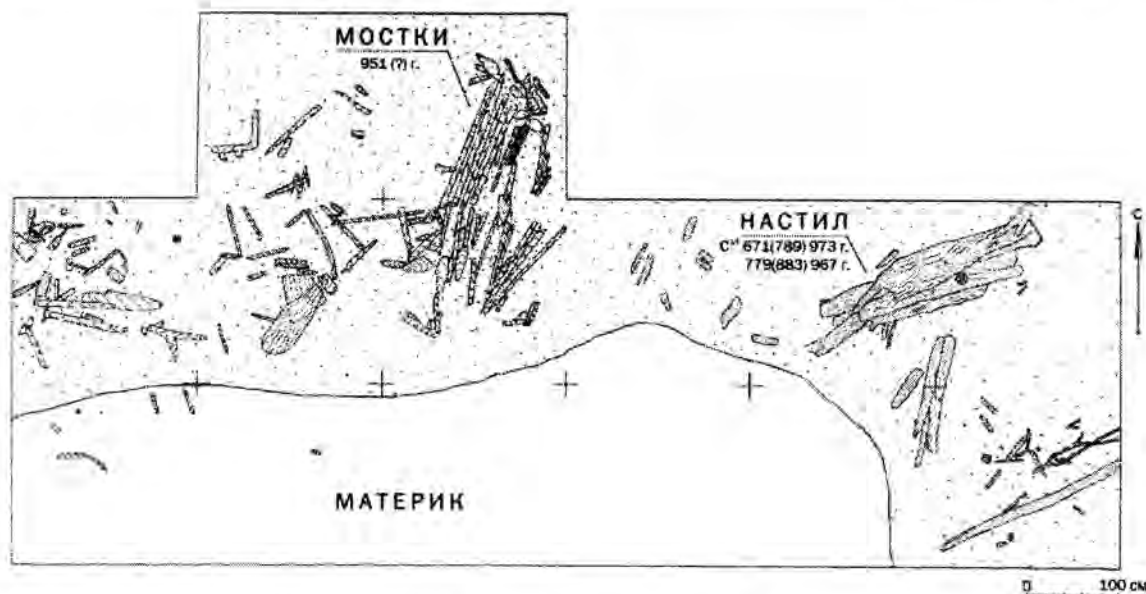

Рис. 2. Сооружения горизонта 5 (см. усл. обозначения на стр. 27).

Хотя большая часть деревянных предметов не поддается атрибуции, те предметы, которые удалось определить, характеризуют самые разные стороны человеческой деятельности. Среди деревянных предметов несколько связаны с водным транспортом – это шпангоут (Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001. С. 23. Рис. 13) и два фрагмента гребных весел. Дугообразные шпангоуты, подобные гнездовскому могли быть использованы как при сооружении однодревков, так и клинкерных судов (Сорокин, 1997. С. 83). К сожалению, концы шпангоута обломаны, и это не позволяет выяснить способ его соединения с корпусом.

Оба весла вырезаны из древесины сосны, их размеры: длина 36,2 см (длина лопасти – 32 см, ширина – 10,4 см – рис. 3) и длина – 34,8 см (длина лопасти – 18,8 см, ширина – 7,2 см, часть лопасти обломана – рис. 4). Находки подобных весел зафиксированы во многих археологических памятниках, свод находок сделан П.Е. Сорокиным (Сорокин, 1997. С. 38 – 41). Максимальное количество находок происходит из Новгорода, на Неревском раскопе найден 81 экземпляр в слоях второй половины X – XV вв. (Колчин, 1968. С. 58 – 59). По функциональному назначению Б.А. Колчин различал кормовые (рулевые) и движительные (гребные) весла, и те и другие, в зависимости от размеров, могли быть корабельные или лодочные. Фрагментарность гнездовских экземпляров не позволяет их однозначно атрибутировать, однако ширина лопасти и ее лопатообразная форма

позволяет отнести их скорее к типу гребных лодочных весел (тип 1b по П.Е. Сорокину – Сорокин, 1997. С. 39. Рис. 17:1). Подобные весла найдены также в Старой Ладоге (Старая Ладога, 2003. С. 93. № 226 по кат.), в Северной Европе, например, при раскопках вала Давневирке (Graham-Campbell, 1980. P. 188. Fig. 9, Hellmuth Andersen et al., 1976. Fig. 103), в Центральной Европе – в слоях X – XI в. Колобжега (Leciejewicz et al., 1961. S. 79. Рис. 49), Щецина (Leciejewicz et al., 1972. Tabl. Xb) и др.

С транспортом связан еще один предмет, который может быть интерпретирован как копыл от саней, он вырезан из дуба (рис. 5). На Неревском раскопе копылы саней встречаются в слоях с X по XV вв., Б.А. Колчин выделяет два типа копылов (Колчин, 1968. С. 52 – 53), гнездовский экземпляр относится к первому и наиболее распространенному типу – копылы с сучком-вязом, по размерам он относится ко второй группе – высота копыла, то есть расстояние от низа полоза до грядки – 23,5 см, верхняя часть копыла, образующая кузов санок – 23,3 см. Вероятно, гнездовский копыл принадлежал саням среднего размера.

Единственная деталь, связанная с домостроительством – фрагмент деревянной «курицы» (рис. 6). Она вырублена из массивного елового бруса (размеры – длина – 60 см, ширина – 19 см), хорошо сохранилась выступающая часть корня, поддерживавшая водосток кровли. Аналогичную находку можно указать в Старой Ладоге (Старая Ладога, 2003. С. 53 – 54. № 3 по кат.).

3

0 1 2 3 см.

4

0 1 2 3 см.

5

0 1 2 3 см.

6

0 1 2 3 см.

7

0 1 2 3 см.

Рис. 3. Фрагмент весла (дерево).
Рис. 4. Фрагмент весла (дерево).
Рис. 5. Копыл (дерево).
Рис. 6. Фрагмент «курицы» (дерево).
Рис. 7. Фрагмент донца (дерево).

К бытовым предметам относятся два фрагмента донец (диам. 18,8 и 15 см) (рис. 7) от бондарной посуды, ручка ковши. На самом дне засыпанной ложбины была найдена заготовка изделия из рога лося – единственное свидетельство обработки кости на данной территории.

Важнейшим итогом изучения притеррасного участка поселения является получение с помощью естественно-научных методов целого ряда абсолютных дат. Удовлетворительная сохранность дерева дала возможность проведения дендрохронологических иссле-

дований¹ образцов из горизонта 5. Вторая серия дат получена с помощью радиоуглеродного метода² (исследованию подверглись образцы торфа, дерева и угля). Для некоторых образцов дерева удалось получить даты с помощью обоих методов. Результаты представлены в таблице 2 (нумерация пластов осуществлялась сверху вниз и отражает относительную глубину залегания).

Анализ приведенных данных показывает в ряде случаев значительное расхождение между радиоуглеродными и дендрологическими датами. Этот факт может иметь разные

Таблица 2.

Индекс	Год раскопок	Местоположение образца	Горизонт	Материал для датирования	Интервал калиброванного возраста и калиброванный возраст (в скобках)	Дендродата
Обр. 1	1999	пл. 11	5	дерево		939 (?)
Обр. 3	1999	пл. 6	5	дерево		938 (?)
Обр. 4	1999	пл. 4	5	дерево		945 (?)
ИГАН-2325	2000	пл. 2 – 3	4	торф	886 (984) 1026	
ИГАН-2326	2000	пл. 8	5	дерево	662 (676) 756	943 (?)
ИГАН-2327	2000	пл. 7 – 8	5	дерево	83 (135) 231	945 (?)
ИГАН-2328	2000	пл. 1 – 3 склон террасы	?	дерево (дуб)	675 (419, 739, 766) 786	
ИГАН-2329	2000	пл. 5	5	дерево	415 (445) 538	986 (?)
Обр. 10	2000	пл. 7, мостки	5	дерево		951 (?)
ИГАН-2434	2001	пл. 8	5	дерево	668 (711, 746, 755) 776	
ИГАН-2435	2001	пл. 5	5	дерево	870 (891) 973	
ИГАН-2436	2001	пл. 12	5	дерево (1 – 3 десятка годовичных колец)	890 (984) 1020	1002
ИГАН-2437	2001	пл. 12	5	дерево (10 – 14 десятков годовичных колец)	890 (967) 990	1002
ИГАН-2469	2001	пл. 8, дощатый настил	5	гуминовые кислоты	671 (789) 973	
ИГАН-2471	2001	пл. 8, дощатый настил	5	гуминовые кислоты	779 (883) 967	
Обр. 6	2001	пл. 14	5	дерево		943
Обр. 9	2001	пл. 9	5	дерево		1023 (?)

¹ Анализы выполнены А.А. Карлухиным в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, результаты анализов 1999 г. опубликованы (Карлухин, 2001. С. 204 – 207).

² Анализы выполнены О.А. Чичаговой и Э.П. Зазовской в лаборатории ИГ РАН.

объяснения. Прежде всего, большинство образцов древесины, представленных для анализа, относилось к деревьям, имевшим небольшой биологический возраст, что существенно затрудняет процедуру дендроанализа (Карпунин, 2001. С. 206) и снижает достоверность результатов. Большинство дат предложено только исходя из гипотезы о происхождении образцов из слоя Х в., опирающейся на археологическую датировку памятника (эти даты помечены знаком вопроса). Однако, учитывая старичное происхождение низины, из песчаной засыпки которой взяты образцы, мы не можем исключать попадание в нее древесины в период, намного предшествующий Гнездову. Таким образом, вероятно, в нескольких случаях (ИГАН-2326, 2327, 2329) следует отдать предпочтение радиоуглеродным датам, значительно удрежняющему образцы.

Кроме того, известно, что для средневековых памятников радиоуглеродные даты часто демонстрируют большую погрешность (объясняемую влиянием различных факторов) и не совпадают с вполне достоверной археологической датировкой памятника (см., например, *Holmquist Olausson*, 1993. Р. 100).

Тем не менее, несмотря на обстоятельства, которые, так или иначе, снижают достоверность полученной базы данных, некоторые из дат заслуживают особого внимания. Прежде всего, это серия из двух дат, полученных в результате радиоуглеродного анализа образцов, взятых из разных серий годичных колец ствола одного и того же дерева (ИГАН-2436, 2437). Ствол, имевший достаточно боль-

шой для нашей выборки возраст (134 года) был датирован также и дендрологическим методом. Полученная дата – 1002 год попадает в интервал калиброванного возраста одного из образцов и лежит рядом с интервалом второго. Таким образом, очевидно, что данная дата может случить опорной точкой для датировки вышележащих археологических напластований.

Представляется, что можно учитывать и даты, относящиеся к деревянным конструкциям: дощатому настилу – 671 (789) 973; 779 (883) 967 и мосткам – 951 (?) год. Обе конструкции лежат на одной и той же глубине, их можно считать более или менее одновременными и, таким образом, дендродата подтверждается результатами радиоуглеродного датирования. То есть этап сооружения мостков через притеррасную ложбину может быть гипотетически отнесен к середине Х в.

Песчаная засыпка перекрыта слоем строительного мусора, мощность которого достигает 25 – 30 см (горизонт 4). В составе горизонта 4 объектов не зафиксировано, за исключением фрагмента рухнувшей стены. Завал стены представлял собой плотное пятно глины размером 215 умнож. 108 см. При разборе пятна, в составе глины обнаружены фрагменты сетки из прутьев, ширина которых не превышала 1 – 2 см, а длина достигала 40 см (рис. 8). Находок в составе горизонта немного – несколько бусин и фрагмент веревки из лыка (рис. 9).

Слой строительного мусора перекрыт горизонтом 3, который представляет собой буровато-темно-серый, сильно

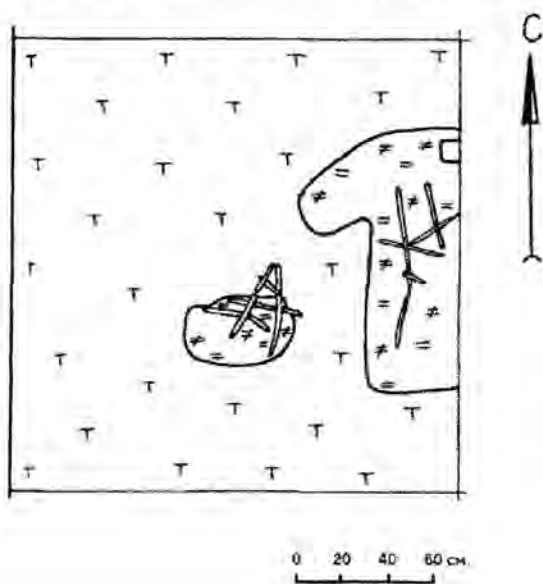

Рис. 8. Пятно глины в горизонте 4 (см. усл. обозначения на стр. 27).

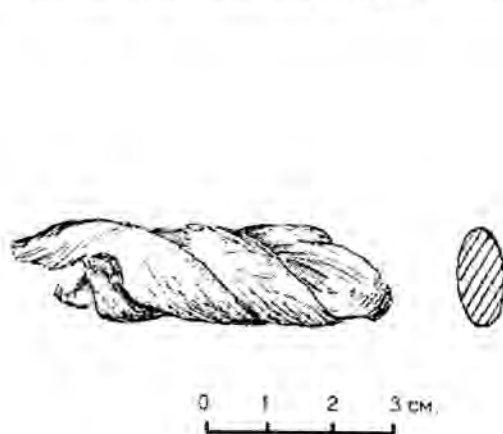

Рис. 9. Фрагмент веревки (лыко).

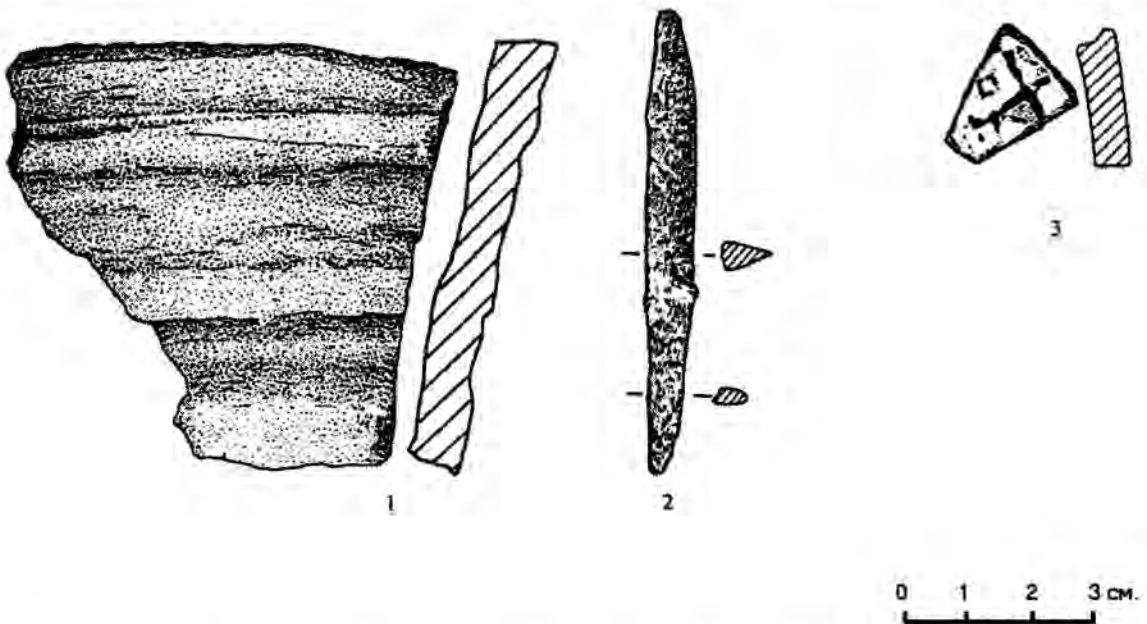

Рис. 10. Предметы из горизонта 3.

1 – фрагмент корчаги (глина); 2 – нож (железо); 3 – фрагмент Византийского поливного сосуда (глина).

опесчаненный торф, содержащий большое количество угля, каменной крошки, а также значительное количество сильно и слабо разложившихся органических остатков. Горизонт 3 лучше всего вычленяется на границе склона и притеррасной ложбины, где он переувлажнен и лучшая сохранность органических остатков придавала ему коричневатый оттенок, здесь его мощность достигает 14 – 15 см. Выше по склону увлажненность постепенно уменьшается и основной составляющей горизонта становится гумусированный песок с включением большого количества мелких угольков. В юго-западной части раскопа горизонт 3 не вычленяется, он неотделим от вышележащих слоев.

Структура горизонта достаточно однородна и не позволяет выделить в нем какие-либо сооружения, за исключением нескольких небольших скоплений камней, отчасти обожженных. В то же время значительное количество находок, и, прежде всего, обилие керамики позволяет предполагать активную жизнедеятельность на этом участке. Горизонт 3 можно трактовать как следы первого этапа существования поселения на исследуемом участке.

Среди находок в составе горизонта – саманидский дирхем (Исмаил бен Ахмаяд, 892 – 907, ош-Шаш – определение А.В. Фомина), а также фрагмент красноглиняной корчаги «трапезундской группы» X – XIII вв. (рис. 10, 1), фрагмент поливного белоглиня-

ного византийского сосуда (1,8 умнож. 1,3 см) IX – XI вв. (рис. 10, 3) – определение И.В. Волкова), 2 шиферных пряслица, нож (рис. 10, 2) и черенок ножа.

Горизонт 3 насыщен фрагментами керамики, общее число фрагментов – 1 984, среди керамики абсолютно преобладает круговая. Средняя плотность керамики на 1 кв. м составляет около 20 фрагментов, преобладают мелкие обломки (45%), крупная керамика составляет 22% (рис. 11). Процентное распределение керамики по размерам фрагментов, в рамках отдельных квадратов представлено на рис. 12. Выделить особые зоны концентрации керамики для 3 горизонта не представляется возможным (рис. 13).

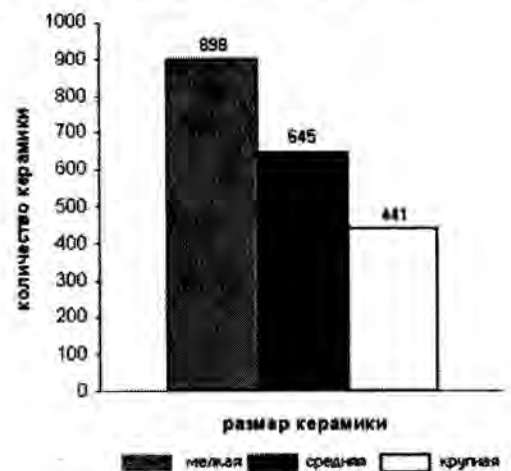

Рис. 11. Количественное распределение керамики по размеру фрагментов в горизонте 3.

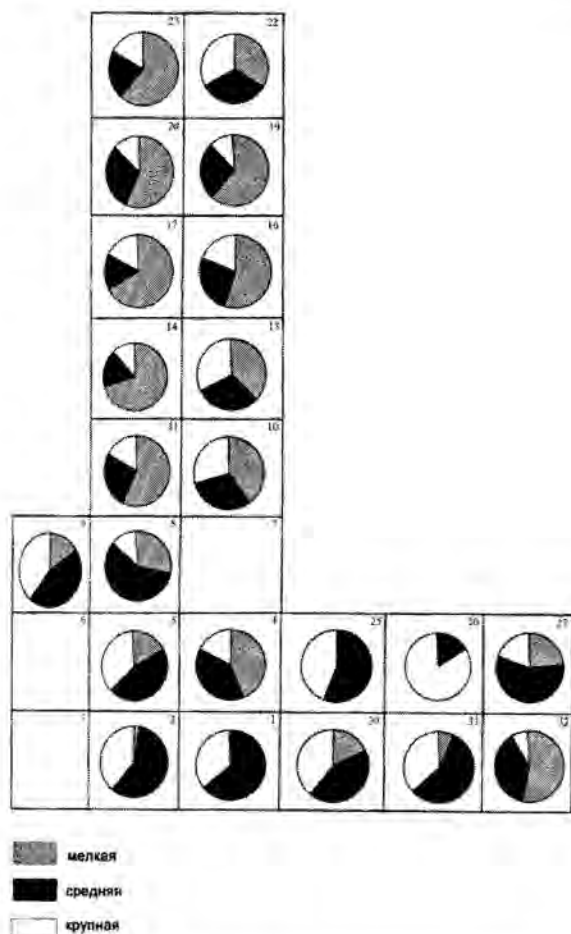

Рис. 12. Процентное распределение керамики по размерам фрагментов в рамках отдельных квадратов в горизонте 3.

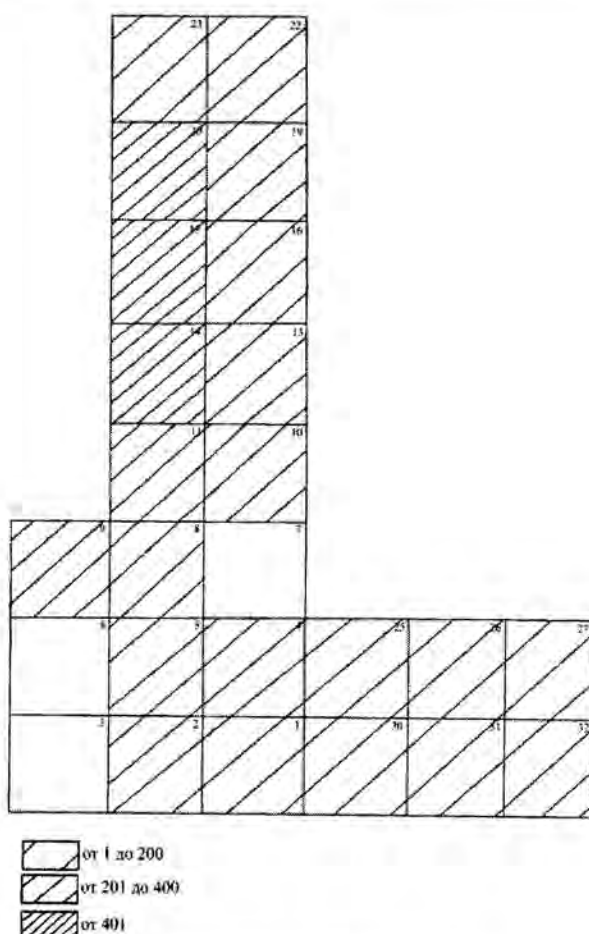

Рис. 13. Количественное распределение керамики в горизонте 3.

На склоне террасы зафиксирована тонкая (мощностью до 4 см) песчаная прослойка, насыщенная углем и подстилающая горизонт 3, она получила название горизонт 3а. Очевидно, что она не имеет отношения к истории притеррасного участка и связана с жизнедеятельностью на верхней террасе — это остаток слоя пожара, распространившегося и на территорию склона. В данном слое обнаружен амулет-копье из медного сплава (рис. 14), в Гнездове подобные амулеты встречены три раза, один из них происходит из набора амулетов кургана Ц-170 (три экземпляра), второй из клада 1870 г., третий — из набора амулетов, найденного на Центральном городище в 1984 г. (Новикова, 1991. С. 193; Корзухина, 1954. С. 88. Табл. VIII:33). Данный предмет связан со Скандинавским миром. Миниатюрные копья из медных сплавов, серебра и железа неоднократно встречены на территории Средней Швеции, на Готланде (Arrenius, 1961. S. 148. Fig. 13 – 16; Fuglesang, 1989. P. 15 – 16. Fig. 1), Эланде (Stenberger, 1958. S. 166.

Abb. 41:13), где они бытуют вплоть до середины XI в. (Stenberger, 1958. S. 166). Три амулета в виде наконечников копий найдены на территории Дании (Zeiten, 1997. P. 17).

В составе горизонта 3а зафиксированы 2 фрагмента глиняных грузил от вертикального ткацкого стана, в других слоях притеррасного участка пойменной части поселения не обнаруженных.

В верхней части склона, на краю террасы, в материке, ниже горизонта 3 была выявлена большая столбовая яма, частично заполненная камнями, ее диаметр — свыше 50 см, глубина более 40 см. В ее заполнении найден ключ от деревянного внутреннего четырехштифтового замка (рис. 15). В Новгороде подавляющее большинство таких ключей найдено в слоях X – XI в., исследователи полагают, что они выходят из употребления в XII в. (Колчин, 1959. С. 86). Ключи такого типа встречаются и в погребальных памятниках и на поселениях (Недошивина, 1963. С. 53; Arbman, 1940. Taf. 275:9; Носов, 1990.

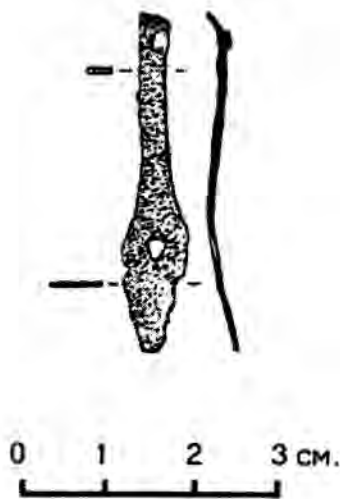

Рис. 14. Амулет – копье (медный сплав).

С. 133. Рис. 53:5, 7; *Старая Ладога*, 2003. С. 99. № по кат. 278). Не исключено, что данная столбовая яма – остаток какой-то ограды, возведенных по краю террасы, уточнить это позволят дальнейшие исследования соседних участков.

Недалеко от столбовой ямы, на материке зафиксированы две находки – крупная подковообразная фибула, изготовленная из железного дрота ромбического сечения, концы раскованы и закручены в спираль (рис. 16, 2) и кресаловидная подвеска (рис. 16, 1). Железные подковообразные фибулы – распространенная находка на территории Финляндии, Скандинавии, Северной Руси и в древностях

Рис. 15. Ключ (железо).

преимущественно «дружинного» круга, датируются они очень широко – с IX по XII в.

Подвеска представляет собой типичный образец такого рода амулетов. Она выполнена из железа, ее сужающиеся концы перекручены. На территории гнездовского поселения найдены ранее 4 кресаловидных амулета, все экземпляры изготовлены из медных сплавов (Новикова, 1991. С. 185). Железные подвески найдены в составе погребального инвентаря трех гнездовских курганов (неизвестный комплекс из раскопок В.И. Сизова, курганы Ц-218 и Ц-245 из раскопок Д.А. Авдусина – Новикова, 1991. С. 184, 194. Рис. 3:6, 8; Рис. 5:6). Еще один железный амулет происходит из набора

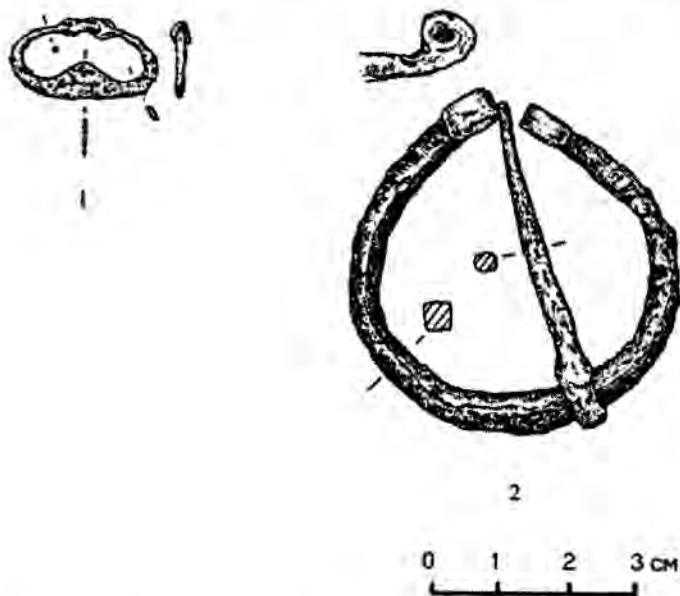

Рис. 16. Предметы, лежащие на материке:

1 – подвеска кресаловидная (железо);
2 – фибула подковообразная (железо).

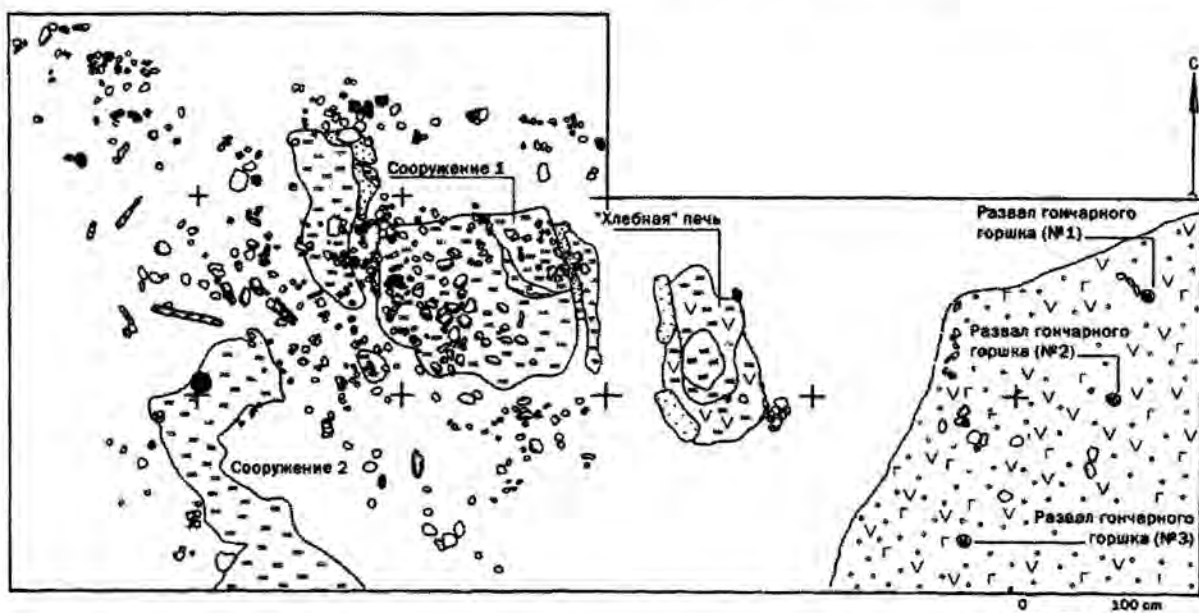

Рис. 17. Сооружения горизонта 2 (см. усл. обозначения на стр. 27).

середины X в. из Новгорода (Гайдуков, 1988. С. 61 – 63). Г.Л. Новикова датирует бытование кресаловидных подвесок на территории Восточной Европы широким ромежунком времени: с IX по вторую половину XI в.

Горизонт 3 на всей исследованной площади перекрыт влажным темно-серым сильно гумусированным суглинком – это горизонт 2. Горизонт 2 содержит объекты, погибшие в огне и связанные с финальным этапом жизни на исследованном участке. В нем зафиксированы остатки двух разновременных сооружений (рис. 17).

Границы более ранней постройки (сооружение 2) маркирует размытое пятно, основой заполнения которого является глина со значительным включением угля. Сооружение, видимо, сгорело, площадку разровняли и на ней была возведена новая постройка. К поздней постройке (сооружение 1) относятся остатки отопительного устройства из мощного слоя глины и развала камней, часть которых была обожжена (более подробную информацию о постройках – см. Пушкина, Мурашева, Несфедов, 2001. С. 18 – 20).

К востоку от отопительного сооружения постройки № 2 исследован развал небольшой сводчатой глиняной печи. Остатки печи представляли собой плотную глиняную подушку размером 160 умнож. 90 см, составленную из прослоек глины, различной степени прокаленности. В центральной части глина приобрела ярко-оранжевый цвет. Очевидно, печь была возведена с использованием

жердевого каркаса, отдельные обгоревшие прутья, его составлявшие, сохранились в толще глиняного пятна. Подобный способ возведения свода печи многократно зафиксирован археологически (Раппопорт, 1975. С. 151), а по свидетельству этнографических данных был применяем вплоть до середины XX в., например, на территории Молдавии (Бламквист, 1956. С. 260). Тонкая угольная прослойка маркирует границу между подом печи и рухнувшим сводом (рис. 18). Камень с плоским верхом, лежавший у северной границы углистой прослойки, также, возможно, играл конструктивную роль. Вероятно, нижняя часть свода печи была укреплена небольшими колышками, их прямоугольные и треугольные в сечении следы хорошо читаются на фоне глины. Печь стояла на хорошо сохранившемся деревянном настиле (рис. 19). Трудно сказать, представляют ли древесные остатки часть дощатого пола сооружения или это был специально сооруженный помост-опечек. Под рабочей камерой помост был изрядно обуглен, что позволяет говорить о том, что диаметр внутренней камеры печи был около 60 см.

Исследователь древнерусского жилища П.А. Раппопорт, полагал, что круглые, сбитые целиком из глины печи появляются на древнерусской территории в X в., возможно, раньше всего в районе Полесья. Во второй половине X в. они постепенно становятся ведущим типом отопительного сооружения на территории лесостепи, за исключением

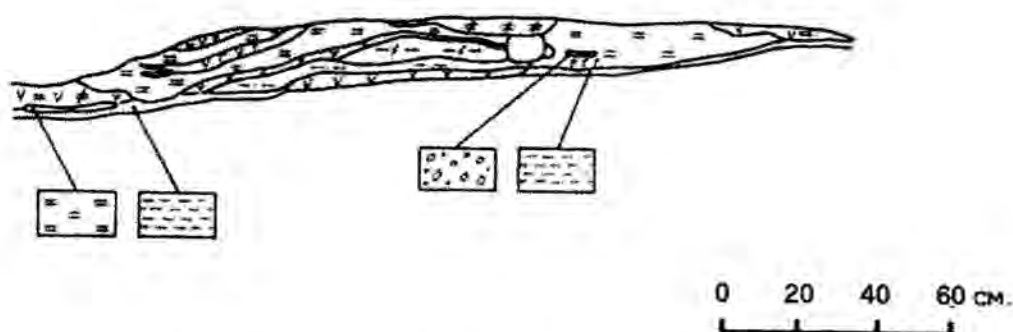

Рис. 18. Разрез печи (см. усл. обозначения на стр. 27).

Поднепровья. В соответствии с исследованиями П.А. Раппопорта, на севере граница распространения круглых глиняных печей почти полностью совпадает с границей зон лесостепи и леса, однако, фиксируется продвижение такого рода печей и в более северные районы, вплоть до Городка на Ловати и городища Георгий в Ильменском Поозерье (Раппорт, 1975. С. 147, 150 – 152; Носов, Плехов, 2002. С. 167).

Печь подобной конструкции была обнаружена в Гнездове впервые. Ее небольшие размеры (диаметр топочной камеры не более 60 см) позволяет предполагать, что она не являлась отопительным сооружением, а была, возможно, сооружена для выпечки хлеба или для приготовления пищи. Печи, не предназначенные для обогрева жилища хорошо известны по этнографическим данным – это либо летние печи для приготовления пищи, либо специальные хлебные печи, которые могли находиться в коллективном пользовании нескольких семей (Бломквист, 1956. С. 263 – 265; Носов, Петренко, 1986. С. 12 – 14). Аналогии печи встречены в ряде памятников на территории Восточной Европы. Хлебная печь была обнаружена в Старой Ладоге (Носов, Петренко, 1986. С. 9), целый комплекс из пяти глинобитных печей был исследован на Рюриковом городище (Носов, 1990. С. 51 – 61; Семенов, 1997. С. 180 – 190). Конструкция староладожской печи и печей с Рюрикова городища близка, но не аналогична гнездовской, их отличает наличие мощного пода из камней и конструкция из вбитых под углом мощных кольев, укреплявших под печи.

Расположение печей в сырой ложбине у подножия городищенского холма аналогич-

но расположению гнездовской печи у подножия надпойменной террасы. Остатков сооружения, связанных с печью не сохранилось, однако минимальная сохранность следов и других построек не позволяет делать однозначные выводы относительно расположения печи на открытом воздухе или в рамках постройки. Недостаточно большая площадь исследованного участка и единичность находки подобной печи в Гнездове не позволяет на данном этапе делать выводы о коллективном пользовании хлебной печью.

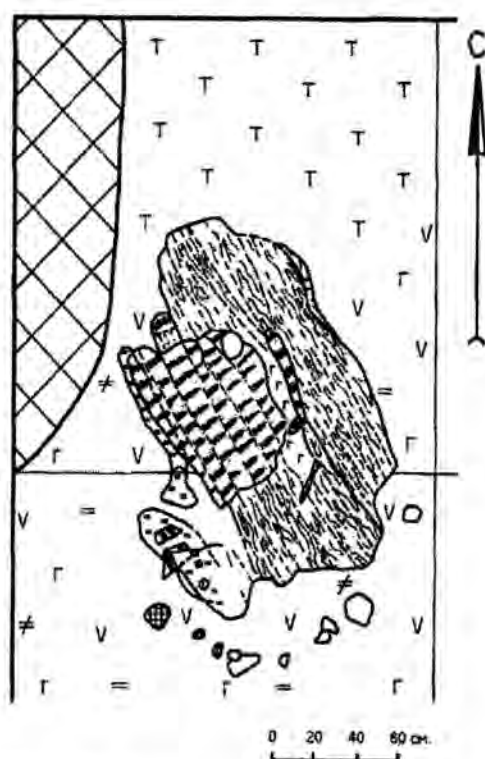

Рис. 19. Настил под печью (см. усл. обозначения на стр. 27).

С.А. Семенов уделяет особое внимание культовому использованию хлебных печей, анализируя находки конских черепов и скелета жертвенной коровы в районе печей Рюрикова городища (Семенов, 1997. С. 182 – 188). Плохая сохранность и фрагментарность костей горизонта 2 делает невозможными какие-либо реконструкции также и в этой области.

Купольные печи зафиксированы не только на древнерусской территории. Так, например, подобная печь конца VIII в. была исследована на селище Маяцкого археологического комплекса, относящегося к салтовско-маяцкой культуре (Афанасьев, Зотко, Коробов, 1999. С. 120). Ее размер совершенно аналогичен гнездовскому (диаметр – 0,66 – 1,0 м). Интересно отметить, что печь, хотя и находилась на территории котлована жилища, вероятно возведена была уже после его разрушения, то есть никак не была связана с постройкой. Глиняные купольные печи совершенно не характерны для Скандинавии в эпоху викингов, однако небольшая глиняная печь была обнаружена, наряду с открытым каменным очагом в одном из длинных домов Хедбю (Schietzel, 1981. S. 62; Clarke, Ambrosiani, 1991. P. 145 – 146).

К востоку от «хлебной печи», была зафиксирована прослойка каменной крошки – гранита, рассыпавшегося от сильного нагрева до дресвы. В составе прослойки – большое количество керамики, причем преобладают крупные фрагменты. Можно предположить, что необычно высокая концентрация каменной крошки свидетельствует о том, что на данной территории скапливался мусор после чистки очагов. Мощность «слоя каменной крошки» достигала 17 см, в его составе найдено несколько развалов круговых сосудов. Специальные места для выбрасывания содержимого очагов зафиксированы и на других памятниках, например, на Маяцком поселении (Винников, Плетнева, 1998. С. 196)

В составе горизонта 2 обнаружено достаточно большое количество разнообразных предметов. Наиболее интересной находкой являются сошники (рис. 20, 10) – первые сельскохозяйственные орудия, найденные в Гнездове (Мурашева, Нефедов, 2002. С. 187 – 198). Сошники были найдены в нижней части склона террасы в 4 м к северу от сооружения № 2.

Редкой находкой является и амулет-меч из медного сплава (рис. 20, 5) – можно ука-

зать лишь два подобных предмета в Гнездове. Одна подвеска, выкованная из железа с серебряным кольцом из рубчатой проволоки, найдена в кургане А-47, вторая входила в состав амулетов из медного сплава из кургана Ц-170 (Новикова, 1991. С. 194. Рис. 5:4, 11). Известны миниатюрные изображения мечей с территории Швеции (Arrenius, 1961. S. 146 – 147. Fig. 8, 12; Fuglesang, 1989. P. 15 – 16) и Дании (Zeiten, 1997. P. 17 – 18).

Амулеты в виде миниатюрных изображений оружия имеют скандинавское происхождение и были распространены на Севере Европы еще в период предшествующий Эпохе викингов (Näsman, 1972 – 1973. P. 94 – 101). Подвески в виде миниатюрных копий предметов вооружения исследователи традиционно связывают с верховным богом скандинавского языческого пантеона – Одинем, так как и копье и меч являлись именно его атрибутами (Младшая Эдда, С. 127 – 128. 153; Näsman, 1972 – 1973. P. 101).

Среди находок – три ременные накладки. Наиболее важной датирующей находкой представляется трапециевидный без орнамента наконечник ремня, с рифленным ободком по краю (рис. 20, 9); III-1А по классификации В.В. Мурашевой – Мурашева, 2000. С. 58). Верхняя сторона наконечника – выпуклая, что является важным хронологическим признаком – подобные ременные украшения бытуют начиная с рубежа X – XI вв. Идентичный наконечник входил в состав пояса из Торопца XI в. (Фоняков, 1986. С. 62 – 63), кроме того они встречены среди материалов Владимирских курганов, на I Семеновском селище (Волжская Болгария, втор. пол. X – XI в. – Казаков, 1991. С. 128, рис. 43:36), на о. Готланд (Thunmark-Nulén, 1995. Abb. 149). Один экземпляр найден также и в Гнездове, при раскопках селища.

Вторая накладка имеет сердцевидную форму и украшена изображением пятилепесткового цветка (рис. 20, 7). Совершенно аналогичная бляшка вырезана на одной из литейных форм, найденных на Киевском Подоле в слое X в. (Гупало, Ивакин, 1980. С. 207. Рис. 3). Наиболее близкие аналогии можно указать в кладе второй пол. X – рубежа X – XI вв. из Шпилевки (Корзухина, 1954. Табл. IX:2 – 4).

Третья накладка имеет пятиугольную форму, она украшена композицией из трехлепесткового цветка в обрамлении двух полупальметт, на лицевой стороне хорошо

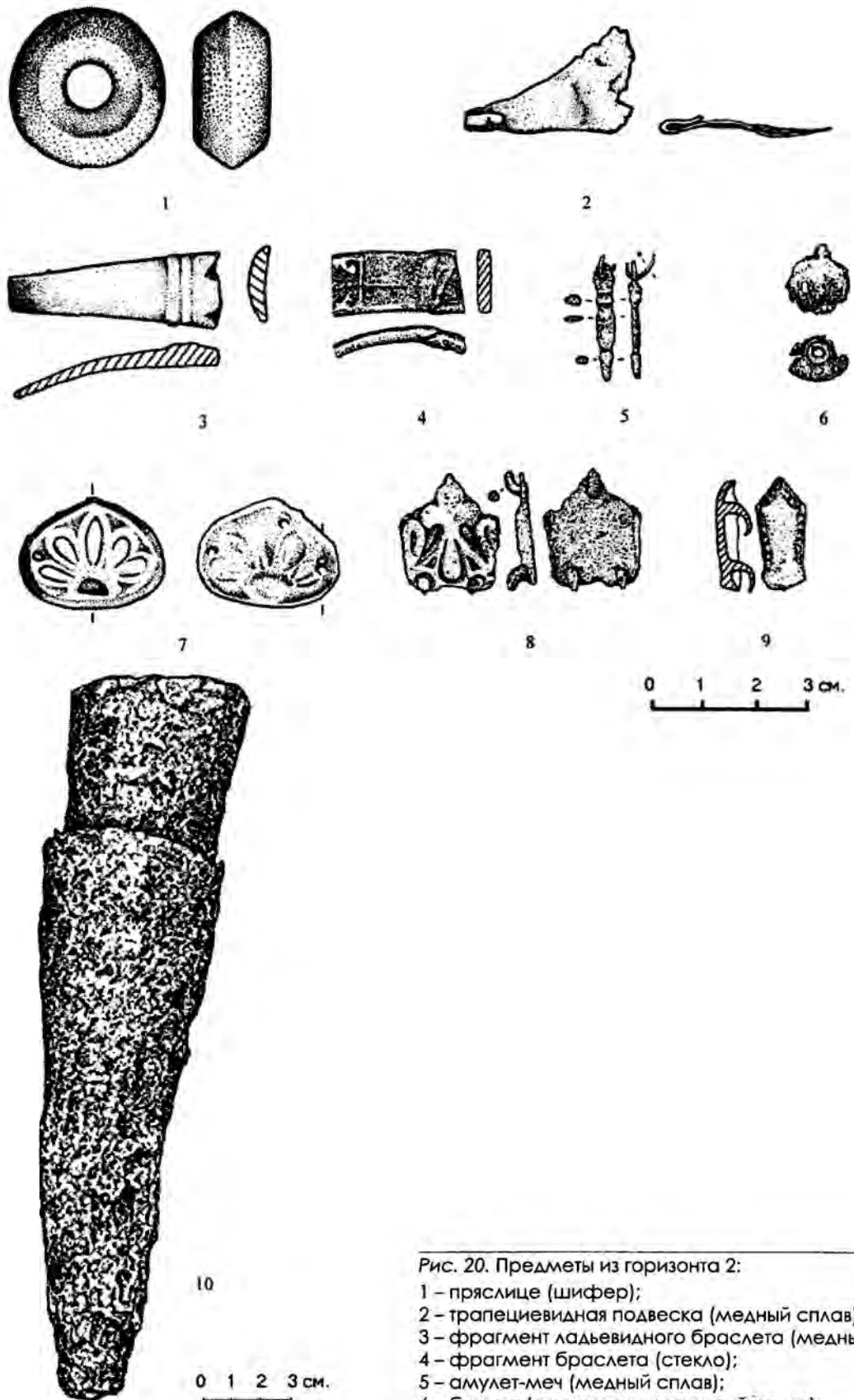

Рис. 20. Предметы из горизонта 2:

- 1 – пряслице (шифер);
- 2 – трапециевидная подвеска (медный сплав);
- 3 – фрагмент ладьевидного браслета (медный сплав);
- 4 – фрагмент браслета (стекло);
- 5 – амулет-меч (медный сплав);
- 6 – бусина (свинцово-оловянистый сплав);
- 7 – 8 накладки ременные (медный сплав);
- 9 – наконечник ремня (медный сплав);
- 10 – сошники (железо).

сохранилась полуда (рис. 20, 8). Точные аналогии данной бляшке неизвестны, однако накладки, украшенные цветком в обрамлении листьев встречаются среди ременной гарнитуры волжско-болгарской традиции (Мурашева, 2000. С. 44).

Женские украшения представлены несколькими предметами. Во-первых, это фрагмент ладьевидного браслета из медного сплава (рис. 20, 3) Сохранившаяся часть представляет собой сужающийся конец браслета, на котором читается двойной поперечный валик и фрагмент орнамента, который назван В.П. Левашевой «вертикальной змейкой» (Левашева, 1967. С. 244). Браслет может быть отнесен к типу 184 по классификации Я. Петерсена (Petersen, 1928. S. 152) или к типу 3 по классификации Стенбергера (Stenberger, 1958. S. 109). Ладьевидные браслеты являются частью скандинавского женского костюма и распространены на территории Скандинавии, Финляндии, в Юго-Восточном Приладожье (Левашева, 1967. С. 252), несколько экземпляров найдено на Рюриковом Городище (Носов, 1990. С. 123). Браслеты с территории Древней Руси В.П. Левашева датирует, в целом, X – XI вв. (Левашева, 1967. С. 252), однако, в Новгороде ладьевидный браслет обнаружен в слое XII в. (Седова, 1981. С. 103, 104. Рис. 37:19), данный браслет является наиболее близкой аналогией гнездовскому, так как в его декоре сочетаются поперечные валики и «вертикальные змейки».

Во-вторых, к категории женских украшений относится фрагмент плоского (ширина пластины – 1,2 см, толщина – 0,25 см) стеклянного браслета черного цвета (рис. 20, 4). Сохранился фрагмент, включающий место спайки стеклянной полосы, на конце читается часть полустертой орнаментальной композиции в виде двух симметричных полупальметт. Наиболее близкие аналогии можно указать среди браслетов Коринфа византийского времени (Davidson, 1952. P. 264 – 265. Pl. 112 – 113), где узкие плоские браслеты с растительным и геометрическим орнаментом в целом датируются XI – XII вв. З.А. Львова отмечает, что уплощенные браслеты с росписью специальными красками, изготовленными из смеси солей или окислов тяжелых металлов с легкоплавким стеклом-флюсом, были распространены на территории Византии, Дунайской Болгарии и в Причерноморье в XI – XII вв. Очевидно, что производство данного типа браслетов

связано с Византийским миром. На территории Древней Руси они встречаются редко, исключение составляют лишь Тмутаракань и Белая Вежа (Львова, 1961. С. 12, 14). Находка фрагмента подобного браслета в Ростове, в слоях XI в. является еще одним основанием для датировки рассматриваемых напластований (Леонтьев, 1998. С. 146. Рис. 10).

Трапециевидная подвеска (рис. 20, 2), возможно, также являлась украшением. Она представляет собой тонкую треугольную пластину из медного сплава, один из загнутых углов пластины формирует ушко для подвешивания. Отсутствие орнамента и отверстия для подвешивания не позволяет связывать данное украшение с трапециевидными подвесками, характерными для балтских племен и неоднократно встреченных на территории гнездовского поселения (Авдусин, 1991. С. 17). К категории женских украшений относится также бусина из свинцово-оловянного сплава с орнаментом, имитирующим зернь (рис. 20, 6).

В составе горизонта 2 найдена четвертинка саманидского дирхема (Нух бен Наср, 943 – 954 – определение А.В. Фомина) а также 4 фрагмента оселков, 3 шиферных пряслица (рис. 20, 7), 1 фрагмент глиняного пряслица и нож.

Горизонт 2 чрезвычайно насыщен фрагментами керамики, их общее число – 9 475. Среди керамики абсолютно преобладает круговая, лепная керамика составляет менее 1%. Средняя плотность керамики на 1 кв. м составляет около 95 фрагментов, что почти в 5 раз больше, чем в горизонте 3. Преобладают обломки сосудов среднего размера (42%), крупная керамика составляет 28% (рис. 21). Процентное распределение кера-

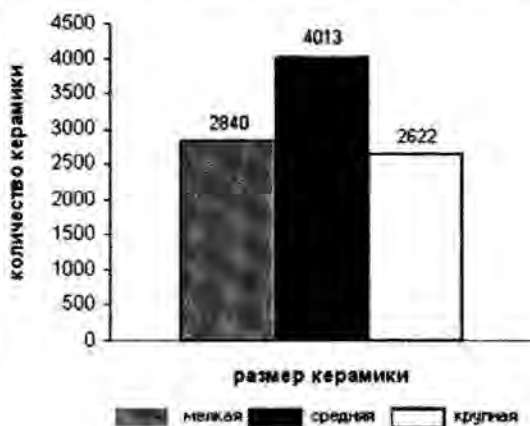

Рис. 21. Количественное распределение керамики по размеру фрагментов в горизонте 2.

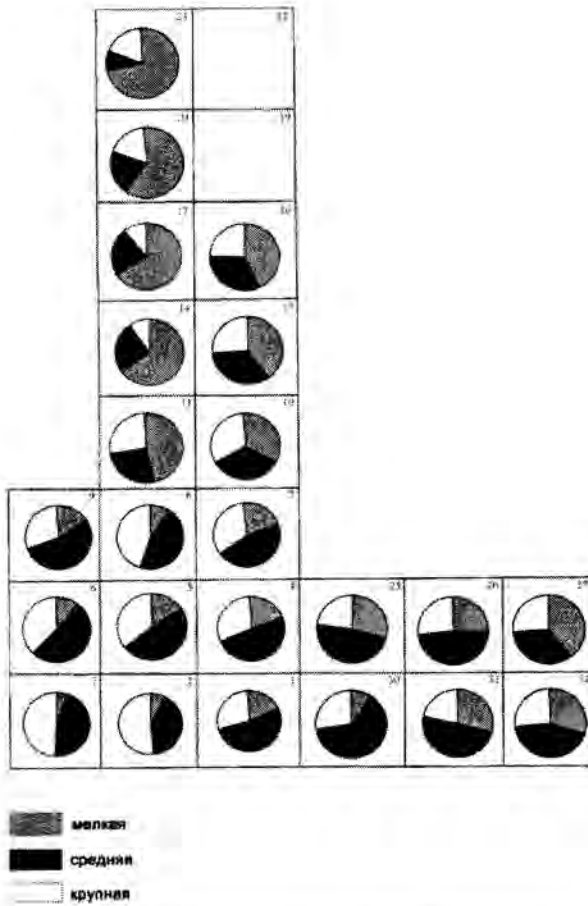

Рис. 22. Процентное распределение керамики по размерам фрагментов в рамках отдельных квадратов в горизонте 2.

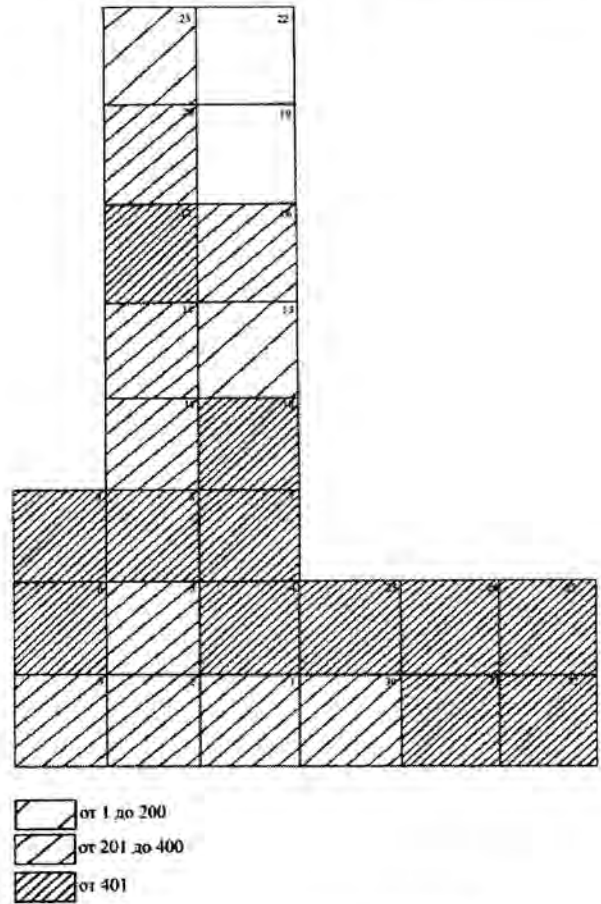

Рис. 23. Количественное распределение керамики в горизонте 2.

мики по размерам фрагментов, в рамках отдельных квадратов представлено на рис. 22. Керамика в слое распределяется неравномерно. Интересно отметить, что максимальная концентрация керамики приходится на территорию, примыкающую к зафиксированным постройкам. Сама территория построек характеризуется средним количеством керамического материала. Велика концентрация фрагментов керамики в районе купольной печи и в слое «каменной крошки». На большей части участка, расположенного на склоне средняя и пониженная концентрация керамики (рис. 23)

Статистический анализ керамического материала позволяет характеризовать культурный слой, с точки зрения его ненарушенности позднейшими вмешательствами, что прекрасно демонстрирует сравнение результатов обработки керамики из горизонтов 2 и 3. Финальный горизонт оказался насыщен керамикой в пять раз больше, чем горизонт 3, в его составе преобладают фрагменты средних

размеров, выделяются зоны концентрации керамики. В то же время анализ материала из горизонта 3 демонстрирует более аморфную картину распределения фрагментов в составе горизонта, в котором преобладают мелкие фрагменты. Такая картина представляется естественной, так как слой горизонта 3 был нарушен постройками горизонта 2.

Самая верхняя часть культурного слоя, подвергаясь воздействию различных, в первую очередь природных, факторов выделена в отдельный горизонт – горизонт 1. У подножия склона он составлен буровато-светло-серым, слабо гумусированным суглинком с включениями мелких угольков, небольшого количества железистых конкреций. Выше по склону в составе горизонта все более ощутимыми становятся включения песка. Мощность горизонта колеблется от 3 до 20 см. Пограничное положение горизонта 1 обуславливает вероятность обнаружения в его составе материалов, выходящих за хронологические рамки «классического» Гнездова.

Не потревоженный культурный слой на всей исследованной площади перекрыт мощным слоем балласта. В верхней части склона террасы роль балласта сыграла напашь, образовавшаяся в результате длительной распашки террасы. Она представляет собой аморфный сильно гумусированный песок с включениями угольков и мелких камней. Мощность напашь достигает 80 см. В нижней части балластом, мощностью до 50 – 60 см явился слой пойменных отложений, который делится на три горизонта. Верхний горизонт представляет собой оглеенный светло-бурый суглинок с включениями железистых конкреций, в верхней части – слабо гумусированный.

Средний горизонт составлен теми же отложениями, но имеет слабо выраженную слоистую структуру: содержит прерывистые прослойки желтовато-светло-бурого песка толщиной до 1 см, представляющие собой ежегодные аллювиальные наносы. Содержит большее количество железистых конкреций. Нижний горизонт балласта составлен теми же отложениями, что и верхний горизонт, нижняя часть, местами, слабо гумусирована.

В центре склона балласт представляет собой контактную зону (зону взаимопроникновения) напашь и речных аллювиальных наносов, образовавшуюся, по-видимому, в результате одновременности процессов формирования аллювиальных наносов и распашки террасы.

Археологические источники позволяют датировать время начала формирования аллювиальных отложений периодом не ранее XVII в. На эту дату указывают найденные

на поверхности культурного слоя фрагменты печных зеленых (муравленых) поливных изразцов (Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001. С. 17). О динамике накопления речных отложений говорит находка стеклянного стакана последней четверти XIX в. (определение Е.П. Смирновой, отдел стекла и керамики ГИМ). Стакан найден на глубине 30 см от современной поверхности в нижних слоях среднего горизонта балласта, что говорит о том, что более половины речных наносов отложились за период конца XIX – XX вв.

В слое аллювиальных отложений находки (мелкие фрагменты керамики) единичны. В составе напашь, кроме достаточно многочисленных фрагментов керамики, встречаются отдельные предметы, среди которых можно отметить маленькую спиралеконечную подковообразную фибулу, изготовленную из круглой в сечении тонкой проволоки из медного сплава (рис. 24, 1). Подобные фибулы встречаются в Гнездове, например, на Центральном городище (Авдусина, Енисога, 2001. С. 94. Рис. 1), а также в Бирке (Thälin, 1984. S. 15), на Рюриковом городище (Хвоцинская, 1999. С. 45 – 46), в Шестовицах (Блифельд, 1977. С. 211. Табл. XXII:1). Найдена также железная подковообразная спиралеконечная фибула, сечение дуги – ромбовидное (рис. 24, 2). Очевидно, что эти предметы происходят из культурного слоя надпойменной террасы и могут происходить из хронологически более ранних слоев, чем нижележащий культурный слой притеррасной части.

Керамика¹ из всех горизонтов исследованной территории составляет в типологическом смысле довольно компактную группу. Это обусловлено

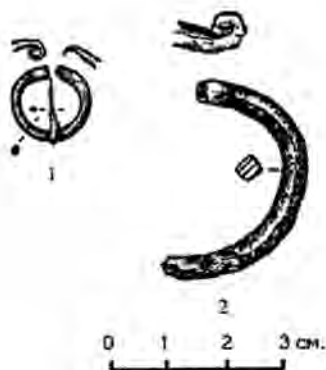

Рис. 24. Предметы из слоя напашь:
1 – фибула подковообразная (медный сплав);
2 – фрагмент подковообразной фибулы (железо).

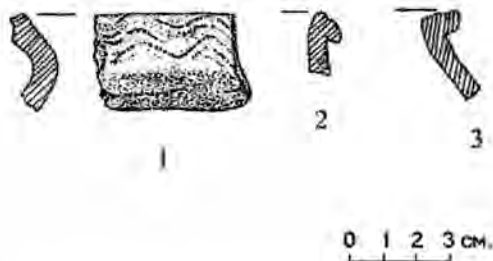

Рис. 25. Керамика из слоя напашь.

¹ Выражаем благодарность Е.В. Каменецкой за консультацию.

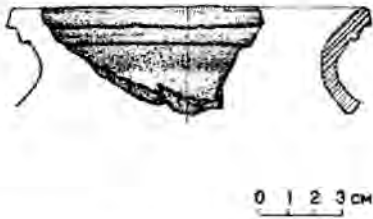

Рис. 26. Керамика из горизонта 1.

довольно узким хронологическим промежутком существования жизни на данном участке.

Керамика представлена ограниченным количеством типов. Разница в наборе типов между горизонтами практически не читается. Основная часть керамики находит аналогии в курганном материале второй половины X в. (рис. 27, 3, 5 – 6, 11). Тесто этих сосудов сделано из глины со значительными добавками дресвы, черепок в изломе двух- или трехцветный, тесто неплотное, красно-желтых оттенков. Значительную часть керамики составляют фрагменты горшков, так называемого «южного типа», распространенных в основном на территории Среднего Поднепровья, в частности в курганах Шес-

товицы и в Киеве. Эти горшки имеют хорошо выраженное плечо в верхней трети сосуда и венчик, имеющий «манжетообразную» форму (рис. 26; 28, 7, 10, 12 – 13). Они сделаны из очень плотного теста с естественными включениями бурого железняка (Каменецакая, 1988. С. 260 – 261). При обжиге звонкий черепок приобретает характерный серый или, иногда, черный оттенок. Необходимо отметить, достаточно большой процент данного типа керамики по сравнению с другими частями памятника. Е.В. Каменецакая указывает на наличие двух целых и одного обломка венчика сосуда данного типа в курганах и нескольких на поселении (Каменецакая, 1988. С. 260). Традиционно данный набор керамических форм датируется второй половиной X – рубежом X – XI вв., однако, полученная для нижних слоев участка дата – 1002 г. (см. выше) позволяет однозначно расширить датировку рассмотренных типов керамики до начала XI в. Единственный фрагмент керамики, датировка которого выходит за рамки узкого временного промежутка – обломок венчика сосуда из напаша (рис. 25, 2), он может быть датирован XIV в.

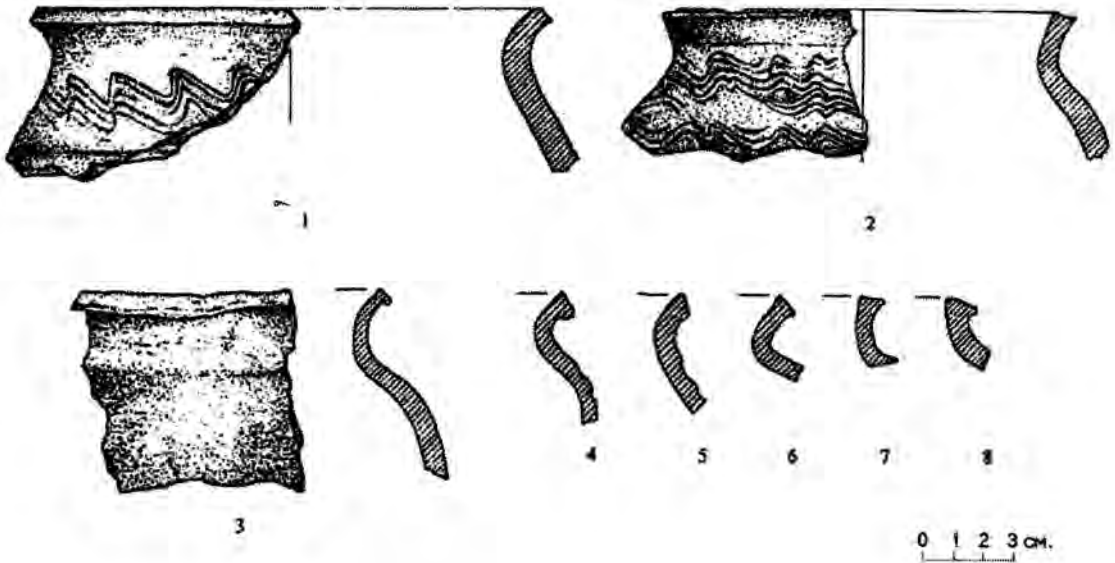

Рис. 28. Керамика из горизонта 3.

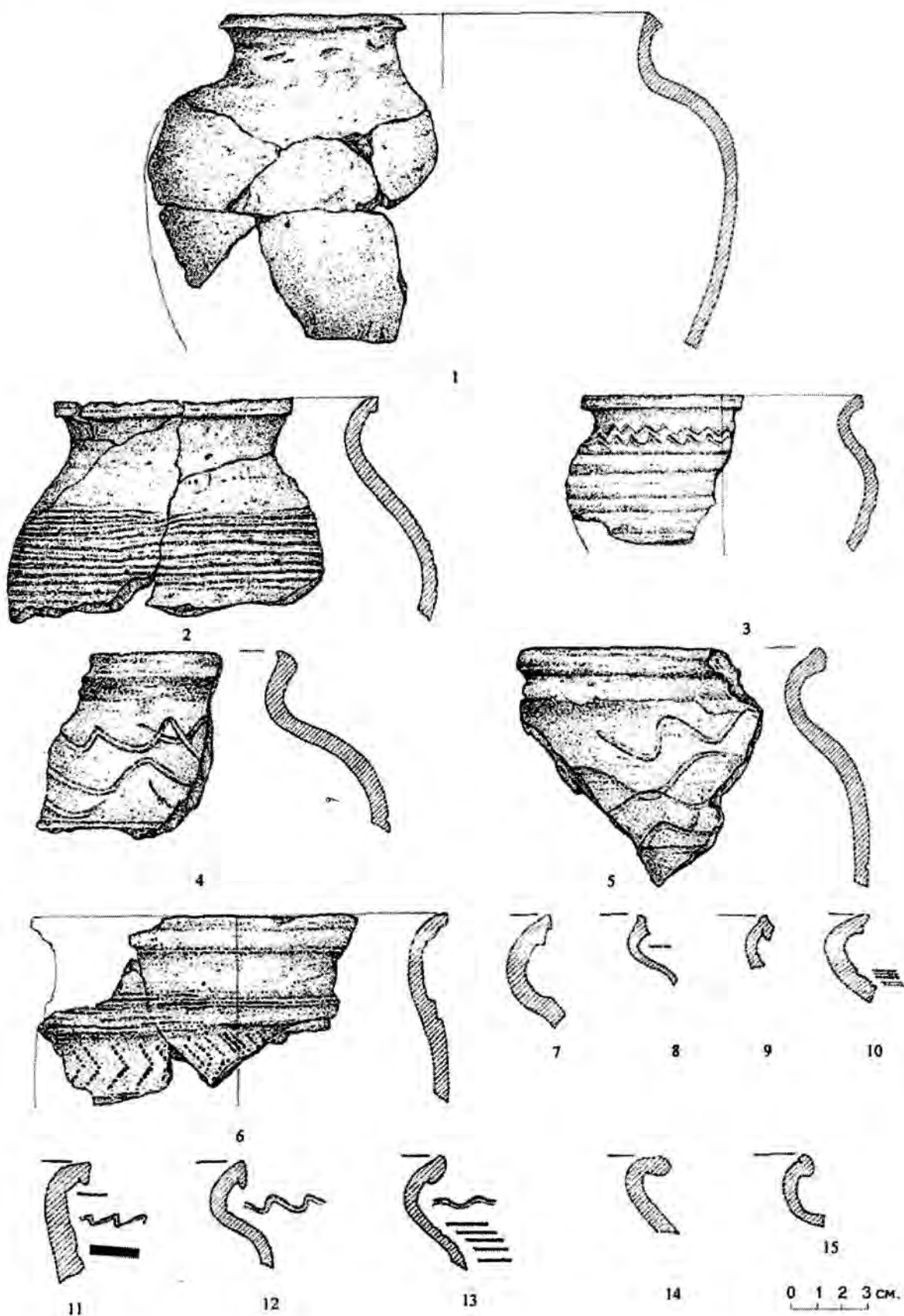

Рис. 27. Керамика из горизонта 2.

Самым важным итогом изучения притеррасного участка поймы является выявление напластований начала XI в. Серия дендро- и радиоуглеродных дат из слоев, предшествующих началу возведения построек на этом участке, предоставила возможность датировать два строительных горизонта временем после 1002 г. Полученная информация позволяет вновь обратиться к важному для истории Гнездовского археологического комплекса вопросу о его верхней дате.

Датировка верхних горизонтов культурного слоя началом XI в. полностью опровергает гипотезу Ф.А. Андрощука о синхронности гибели Гнездова и Бирки в 70-е гг. X в. Гипотеза основана на совпадении времени выпадения поздней группы кладов обоих памятников (*Андрощук, 2001. С. 128*). Однако, большинство исследователей относит прекращение существования Гнездова, как раннегородского центра, и завершение функционирования некрополя к рубежу X – XI вв. Данная точка зрения опирается на находку западноевропейской монеты конца X – нач. XI вв. (фландрский денарий графа Болдуина IV 989 – 1036) в кургане Л-124 (*Авдусин, 1991. С. 19; Пушкина, 1999. С. 415*) и на находки отдельных предметов с поселения, датировка которых выходит за рамки X в. Т.А. Пушкина считает, что интенсивная жизнь в Гнездове начинает постепенно затухать в конце X в., однако отдельные находки на поселении предметов XI – XIV вв. свидетельствуют о продолжении жизнедеятельности поселка, превратившегося, вероятно в феодальную усадьбу в пригороде Смоленска (*Пушкина, 1996. С. 27*). Сходные выводы получены Е.В. Каменецкой, при анализе керамического материала распаханного слоя надпойменной террасы и городища. Анализ керамики показывает непрерывность жизни на гнездовском поселении с рубежа IX – X вв. до рубежа XII – XIII вв. Е.В. Каменецкая считает, что селище в середине XI в. либо прекращает свое существование, либо становится значительно меньшим по площади, отступая от берегов Днепра (*Каменецкая, 1977. С. 12*).

Анализ материалов притеррасного участка позволяет полностью обосновать тезис о существовании Гнездова, как раннегородского центра, в начале XI в. Можно констатировать, что характер материала, набор находок ничем принципиально не отличается от других материалов «классического» Гнездова, от

других участков поселения. Очевидно, сохраняется и полиэтничный состав населения. Во всяком случае, скандинавская составляющая документируется находкой трех этноопределяющих амулетов на исследованной территории.

Важным представляется сравнение результатов исследования притеррасного участка и другого участка, исследованного на территории пойменной части поселения. Второй участок расположен ближе к Днепру, около озера Камыши (см. статью В.В. Мурашовой, Н.В. Ениосовой, А.А. Фетисова в настоящем сборнике). Раскопки показали, что объекты, исследованные на участке ближе к Днепру, прекратили свое существование раньше – вероятно, на рубеже X – XI вв. На данном этапе исследования невозможно решить вопрос о динамике изменения площади поселения. Разновременное прекращение жизни на различных участках может быть результатом угасания жизни на ряде усадеб и гибели построек вследствие неизвестных нам причин. А может быть подтверждением гипотезы Е.В. Каменецкой об отступлении селища от берега Днепра и о сокращении его площади. Однако, даже, если мы предположим, что размер поселения, в результате каких-то обстоятельств (не исключено, что катастрофических, что и привело, возможно, к освоению влажного и поначалу негодного участка у подножия террасы), сократился, мы можем констатировать, что «качество жизни» населения не ухудшилось. Подтверждением сохранения прежнего «уровня жизни» являются результаты анализа коллекций бус двух участков. Оказалось, что количество «эффективных» (каменных, полихромных) бус, вполне сопоставимо, что является еще одним доказательством неизменности характера Гнездова, как раннегородского центра, в начале XI в. (см. статью Я.В. Френкеля в настоящем сборнике).

Анализ напластований в притеррасной части поймы позволил извлечь важную информацию о динамике освоения этого, на первый взгляд, малоприспособленного для жизни участка. Начало освоения притеррасной ложбины можно датировать серединой X в. Первыми сооружениями оказались мостки, переброшенные через переувлажненный участок. Получена пусть и небольшая, но важная информация о домостроительстве в Гнездове, сведения о котором до настоящего времени более чем скудны. На основании

находок в пойме можно говорить по крайней мере о двух типах конструкций – срубных и каркасно-плетневых с глиняной обмазкой. О наличии срубных конструкций говорит находка «курицы», которая могла быть использована только в архитектурном сооружении данного типа. О плетневых, обмазанных глиной конструкциях, свидетельствует находка фрагмента постройки из горизонта 4. Использование различных домостроительных техник зафиксировано на многих синхронных Гнездову поселениях – в Бирке (MacLeod, 1997. Р. 143), на Рюриковом городище, в Старой Ладоге (Носов, 1990. С. 109 – 112) и др. Большая база данных о домостроительстве на территории Северо-Западной Руси свидетельствует о доминировании, в качестве жилых, наземных срубных построек. Е.Н. Носов, рассматривая постройки Рю-

рикова городища, полагает, что жилыми сооружениями можно считать лишь срубные конструкции. Все остальные сооружения (столбовые, плетневые) он убедительно интерпретирует как хозяйственные (Носов, 1990. С. 109 – 112). Однако на многих памятниках Эпохи викингов Скандинавии встречаются, например, в Хедебю (Clarke, Ambrosiani, 1991. Р. 145) или же преобладают, как в Йорке (Hall, 1986. Р. 51, 54) и Дублине (Wallace, 1992. Р. 8 etc) плетневые конструкции жилых домов. Жилые постройки с плетневой конструкцией стен зафиксированы на многих памятниках с территории Польши, например в Щецине, Волине (Szczecin i Wolin..., 1954. S. 67 – 68), Колобжеге (Leciejewicz, Łoziński, Tabaczyńska, 1961. S. 75. Рис. 45). Новую информацию о домостроительстве в Гнездове позволят получить дальнейшие исследования.

Условные обозначения к рисункам 2, 8, 17–19.

 - Супесь

 - Гумус

 - Дерн

 - Уголь

 - Песок

 - Горизонт 1

 - Материк

 - Дерево

 - Суглинок

 - Торф

 - Обоженная глина

 - Железисто-марганцевые конкреции

 - Напашь

 - Обожженный камень

 - Камень

 - Каменная крошка

 - Глина

 - Древесный тлен

 - Обожженное дерево

Литература

- Авдусин Д.А.*, 1991. Актуальные вопросы изучения Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово. М.
- Авдусина С.А., Енисова Н.В.*, 2001. Подковообразные фибулы Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 124. М.
- Андрощук Ф.А.*, 2001. Гнездово, днепровский путь и финал Бирки // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 124. М.
- Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С.*, 1999. Первые шаги «космической археологии» в России // СА № 2.
- Бліфельд Д.І.*, 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.
- Бломквист Е.Э.*, 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М.
- Винников А.З., Плетнева С.А.*, 1998. На северных рубежах Хазарского Каганата. Маяцкое поселение. Воронеж. 1998.
- Гайдуков П.Г.*, 1988. О времени заселения Людина конца древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю.*, 1980. О ремесленном производстве на киевском Подоле // СА № 2.
- Зазовская Э.П., Бронникова М.А.* 2001. Палеоландшафты Гнездова: реконструкции, перспективы исследования // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 124. М.
- Казаков Е.П.*, 1991. Булгарское село X – XIII вв. низовий Камы. Казань.
- Каменецакая Е.В.*, 1977. О верхней дате гнездовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Проблемы истории СССР. Вып. VI. М.
- Каменецакая Е.В.*, 1988. О некоторых типах керамики Гнездова // СА № 1.
- Карлужин А.А.*, 2001. Некоторые результаты дендроанализа материалов из раскопок в Гнездове // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 124. М.
- Колчин Б.А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды НАЭ. МИА 65. Т. 2. М.
- Колчин Б.А.*, 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ. Вып. Е1 – 55.
- Корзухина Г.Ф.*, 1954. Русские клады. М. – Л.
- Левашева В.П.*, 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.
- Леонтьев А.Е.*, 1998. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Львова З.А.*, 1961. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII – XI вв. Л.
- Младшая Эдда.* 1970. Л.
- Мурашева В.В.*, 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X – XIII вв.). М.
- Мурашева В.В., Нефедов В.С.*, 2002. Сошники из Гнездова // Новгород и Новгородская земля. Новгород.
- Недошвина Н.Г.*, 1963. Предметы бытового назначения X – нач. XI вв. // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.
- Новикова Г.А.*, 1991. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово. М.

- Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е.Н., Глохов А.В., 2002. Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.
- Пушкина Т.А., 1996. Гнездово – на пути из варяг в греки // Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. М.
- Пушкина Т.А., 1999. Нумизматические материалы из раскопок Гнездова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
- Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефедов В.С., 2001. Новое в изучении центрального селища в Гнездове // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 124. М.
- Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище. М.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М.
- Семенов С.А., 1997. Некоторые дополнения о культовом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX – X вв. на Рюриковом городище // Древности Поволховья. СПб.
- Сорокин П.Е., 1997. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб.
- Старая Ладога. Древняя столица Руси, 2003. Каталог выставки. СПб.
- Фоняков Д.И., 1986. Об одной находке из древнерусского могильника в Торопце // КСИА, № 187.
- Хвоцинская Н.В., 1999. Подковообразные фибулы Рюрикова Городища // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. М.
- Arbman H., 1940. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala.
- Arrenius B., 1961. Vikingatida miniatyrer. Tor. Vol. VII. Stockholm, Göteborg, Uppsala.
- Clarke H., Ambrosiani B., 1991. Towns in the Viking Age. Leicester and London.
- Davidson G.R., 1952. *Corinth*. Vol. XII. The minor objects. New Jersey.
- Fuglesang S.H., 1989. Viking and medieval amulets in Scandinavia. Fornvännen.
- Graham-Campbell J., 1980. Viking Artefacts. London.
- Leciejewicz L., Łoziński W., Tabaczyńska E., 1961. Koljbrzeg we wczesnym średniowieczu. Wrocław.
- Leciejewicz L., Rulewicz H., Wesitowski S., Wiczorowski T., 1972. La ville de Szczecin des IX – XIII siècles. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdansk.
- MacLeod M.A., 1997. The Moot Question of Urbanism: Recent Excavations at Birka // Papers of the "Medieval Europe Brugge 1997" Conference. Vol.1. Näsman U., 1972 – 1973. Vapenminiatyrer från Eketorp. Tor. Vol. XV. Gustavianum, Uppsala.
- Hall R., 1986. The Viking dig. London.
- Hellmuth Andersen H., Madsen H., Voss O., 1976. Danevirke. København.
- Holmquist Olausson L., 1993. Aspects on Birka. Investigations and surveys 1976 – 1989. Edsbruk.
- Petersen J., 1928. Vikengetidens smykker. Stavanger.
- Schietzel K., 1981. Stand der siedlungsarchäologidchen Forschung in Haithabu – Ergebnisse und Probleme.
- Stenberger M., 1958. Die Schatzfunde Gotland der Wikingerzeit. Bd I:Text. Stockholm.
- Szczecin i Wolin we wczesnym średniowieczu., 1954. Wrocław.
- Thålin H., 1984. Ringspangen // Birka II:I. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. № 16.
- Thunmark-Nulén L., 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm.
- Wallace P.F., 1992. The Viking Age Buildings of Dublin. Dublin. Part 1, 2.
- Zeiten K.M., 1997. Amulets and amulet use in Viking Age Denmark // Acta Archaeologica. Vol. 68.

Summary

V.V. Murasheva, S.A. Avdusina

Investigations on the area of flood-plain part of Gnezdovo settlement directly adjoining the first terrace

During three years of excavations (1999 – 2001) an area of flood-plain directly adjoining the first terrace and partly the terrace slope was studied, its area being 100 m². The cultural layers at the flood-plain part was overlaid by loamy deposits of 50 – 60 cm thickness of the natural alluvial origin. The Dnepr floods affected the ballast layer formation which overlaid the occupation deposit and preserved the latter from the successive mechanical disturbance.

The investigation of the layers overlaid by the ballast allowed to make a reconstruction of area development. The lower part of the deposit is presented with the thick (up to 60 cm) sand layer (horizon 5). Presumably, a certain old channel or a swampy mould stretching along the Dnieper terrace slope was located on this place up to its filling up as a result of the improvement of the area. Some wooden objects were found in the sand layer. The described sand layer is overlaid by the peat (horizon 4) of 25 – 30 cm thickness. The origin of such thick layer could be either natural or antropogenic. Evidently the terrain under the consideration was temporally overwetted and served as an area of building debris placing because the peat layer contains a significant fractions shiver, wood chips and thin branches.

First buildings were erected at the surface of peat layer (horizon 3) marked by the traces of dense clay patches with thin twig imprints forming a lattice. The upper layer (horizon 2) consists the traces of buildings also eliminated by fire: this layer is related to the downfall of proto-urban “classical” Gnezdovo. The most upper horizon of the cultural layer (horizon 1) is interpreted as a destruction product of the underlying lower part of the cultural layer.

The C14 and dendrochronological dating of wood samples from the sand and peat layers allows us to date back to the early XI century A.D. the dwellings from horizons 2 – 3. The analysis of all set of materials permit to base the thesis of the existence of Gnezdovo like proto-urban center on the beginning of XI century.